

Коммуникативная референция: к знаку и обратно¹
Communicative reference: to the sign and back again

Аннотация

В статье рассматривается классическая концепция знака, в основании которой лежит некая мыслимая или реальная «вещь» (объект, признак, действие и пр.), находящая отражение в вербальном знаке и затем в системе знаков. Теоретическая неэффективность такой интерпретации знака состоит в том, что автономный вербальный элемент в действительности не способен производить собственную референцию, является содержательно нетождественным, соответственно, лишенным определенной семантики. В семиотическом пространстве производятся и понимаются семиотические воздействия на основе констатируемых акциональных состояний сознания семиотического актора, который создает то, чего еще нет, а именно, добивается изменений во внешних когнитивных состояниях. Определить то, что маркировано словом, можно только путем констатации самой процедуры семиотического воздействия, производимого актором («обозначающим», «означающим»), то есть при условии воссоздания коммуникативной референции.

The article deals with the classical concept of a sign, which is based on some conceivable or real “thing” (object, action, etc.), which is reflected in a verbal sign and then in a system of signs. The theoretical inefficiency of such an interpretation of the sign lies in the fact that an autonomous verbal element is in fact not capable of producing its own reference, is not identical in content, and, accordingly, lacks a certain semantics. In the semiotic space, semiotic influences are produced and understood on the basis of ascertained actional states of consciousness of the semiotic actor, who creates something that does not yet exist, namely, achieves changes in external cognitive states. To determine what is marked by a word, one should ascertain the very procedure of semiotic influence produced by the actor (“signifier”), that is, recreate the concrete communicative reference of the given semiotic act.

Ключевые слова

Словосодержащий семиозис, знак, вещь, референция, коммуникативная референция, коммуникативная модель, акциональное когнитивное состояние, семиотическое воздействие

Word-containing semiosis, sign, thing, reference, communicative reference, communicative model, actional cognitive state, semiotic impact

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (грант № 22-28-01656) в Институте языкознания РАН.

Вербальный знак в его классическом понимании сыграл с теорией семиозиса злую шутку. Будучи наиболее заметным в комплексной процедуре коммуникативного воздействия, он заслонил собой подлинный источник значения / смысла семиотического акта и легализовал в гуманитарном поле фантомный (вводящий в теоретическое заблуждение) объект.

Обращаясь к почтенным отцам-основателям аберрации (а также их вольно-невольным последователям), в самом начале — и с античной простотой — поставим вопрос так: а есть ли у вещей «имена»? От определенности ответа на него зависят последующие теоретические шаги, в том числе, искомая коррективировка направления лингвофилософской эвристики.

Казалось бы, вопрос с очевидностью риторический, и решение его лежит на поверхности, не требуя долгих размышлений.

Так, исключительно странным, до полной неприемлемости, следует признать воображаемый спор между греком и любым варваром о том, как правильно называется («какое настоящее имя имеет») то, что по-гречески часто называлось фонетическим комплексом [heir], а по-варварски как-то иначе, например, [jad] или [ruka]. Понятно, что сама «рука», греческая или варварская, никогда не признавалась и не признается в том, как ее «на самом деле» зовут. Аристотель, высказавшийся в ответ на сомнения Платона вполне определенно, констатировал, что «от природы у вещей нет имени» (а есть только «по установлению»; *Об истолковании*, 16а) [Аристотель 1978: 94]. Еще ранее автор (-ы) книги Бытия обрисовал (-и) ту же картину, поведав, что Адам был свободен от непогрешимого мнения Бога при наречении имен (вернее, некоторой их части): Бог привел «всех животных полевых и всех птиц небесных» к человеку, чтобы, «как наречёт человек всякую душу живую, так и было имя ей» (Быт 2:19). В последствие Ф. де Соссюр решил еще раз на всякий случай подтвердить независимость формы имени от содержательного наполнения того, что им называется, и указал на произвольность («арбитражность») слова [Соссюр 1965: 372].

Казалось бы, никакой «вещеименной» (или «имявещной») проблемы нет и не должно быть: у вещей нет имени, сами имена не соединены с вещами. Однако эта проблема в более казуистичной версии все же обосновалась в гуманитарном пространстве, определив многие теоретические и практические позиции в науках о человеке.

Дело в том, что в формулировке поставленного вопроса («есть ли у вещей имена?») и даже в попытке ответа («у вещей нет имен») содержится важная *презумпция*, не подвергаемая сомнению и незаметно воздвигающая собой твердое основание последующих умозрительных злоключений теоретиков: тот, кто задает этот вопрос, по умолчанию предполагает, что *вещи существуют*. Вопрошающий интересуется только *именами* тех вещей, которые, несомненно, *сами есть в наличии* и из которых, столь же несомненно, *составлен мир*, «бытие», в том числе «мыслимое бытие».

Вставшая на этот якорь «вещезнаковая» теория неизбежно стремится совершить вынужденные движения в сложившейся диспозиции факторов. В лингвистическом и лингвофилософском поле эти попытки двигаться формируют контуры той самой «более казуистичной» версии вещеименной проблемы, казалось бы, запросто решаемой. Результатом становится *неэффективная теория знака* в лингвистике и философии, в том числе в обширном разделе последней — семиотике.

Коварство «*существующих по умолчанию вещей*» проявляется в том, что они вместе со своим «несомненным существованием» автоматически привносятся («протаскивают») в теоретическое поле свои *имена* (без которых вещи, как интуитивно считается, были бы неразличимы и немислимы).

Так, вопрос, волновавший Платона и затем Аристотеля, как, впрочем, и многих иных — «по природе или по установлению (договору) существуют имена вещей?» — является завуалированной (привнесенной, «протасченной») констатацией *связности имени и вещи*, которые — по природе ли, по договору ли, не важно — *уже существуют в виде единства*. Претендующий на серьезность и драматизм спор между «поприродниками» и «подоговорниками» оказывается всего лишь дымовой завесой, отвлечением внимания, сокрытием подлинной интриги, поскольку *обе партии на самом деле целиком и полностью согласны в главной ошибочной позиции* — в изначальной веще-именности, природной или договорной *соединенности* имени и вещи.

Так, скажем, для Аристотеля «вещи» (в число которых попадают не только предметы, но и понятия, например, «знание» или «грамотность») составляют очевидную данность. Независимо от того, мыслимы они или существуют сами по себе, являются ли природными или созданными человеком, у «вещей» есть свойства, также представляющие собой «вещи». «Вещи» распределяются по видам и родам, находятся в определенных отношениях между собой, обладают различающими их признаками. Категории (включая первую по счету «сущность», то есть единичный предмет, который не говорится ни о чем и по сути не должен быть «категорией») составляют список всех возможных предикатов, то есть родов «вещей» по содержательному критерию, в зависимости от чего «вещи» могут быть правильно помыслены и одновременно правильно сказаны. Вещью становятся любые «означаемые», в том числе глаголы, прилагательные, наречия и пр., как, например, вербальная форма [человек бежит] называет две «вещи» — человека и свойственное ему состояние бега. Поскольку мысль и говорение, в соответствии с принципиальной логической позицией Аристотеля, — *одно и то же*, в результате наступает всеобщее царство всеобщих «вещеимен»: вещи закономерным образом отражаются в словах языка, которые, в свою очередь, отражают мир абстрактных и предметных вещей. Главная методологическая установка аристотелевского «Органона» как раз и состояла в том, что правильная мысль есть правильная языковая форма, соблюдение правильного (как ни странно, «природного») соответствия между вещами и словами.

Подобно аристотелевской, философские попытки представить вербальные данные (имена, язык, слова языка) в большинстве случаев начинаются с вещей и ими же заканчиваются: слова возникают в поле философской рефлексии как названия (называния) вещей, а называть можно только существующие (в сознании или в реальности) вещи.

Даже кантовская «вещь в себе», или «вещь сама по себе», несмотря на непознаваемость, как ни странно, становится подтверждением вещеименного тренда, поскольку также содержит презумпцию существования вещи. После признания «вещи в себе» философское размышление в очередной раз становится упражнением по выяснению того, какова же *она, эта недоступная вещь*, или, как вариант, *что же представляет собой то*, во что результировала недоступная вещь. Средством прокатиться на этом аттракционе как минимум со времени платоновского «Кратила» становится исследование слова как коррелята вещи (а также системы слов как коррелята мира вещей). Знак становится единством вещи и формы, означающего и означаемого (Ч.С. Пирс, Г. Фреге, Ф. де Соссюр, Ч.У. Моррис и др.). Возникают концепции «мыслесловности» (передачи мыслей словами), слитности слова и выражаемой им сущности (понятия), суммирования значений слов в высказывании, локализации значения (смысла) в вербальном знаке.

Лингвофилософская рефлексия, в своих крайних вещеименных формах, *volens nolens* стремится возвратиться к «поприродной» доктрине имени, к «магии слова», к изысканию «сути вещей», так или иначе отраженных в словах-понятиях («вещеименах», составляющих собой «язык»), тем самым обнаруживая главный объект своих поисков — вещь, связанную с данным словом, уже не обращая внимания на то, «в себе» она или «не в себе»:

«В слове, и в особенности в имени, — все наше культурное богатство, накапливаемое в течение веков; и не может быть никакой психологии мысли, равно как и логики, феноменологии и онтологии, вне анализа слова и имени. В слове и имени — встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия... В имени — средоточие всяких физиологических, психических, феноменологических, логических, диалектических, онтологических сфер. Здесь сгущена и нагнетена квинтэссенция как человеческо-разумного, так и всякого иного человеческого и нечеловеческого, разумного и неразумного бытия и жизни. Если психология мышления хочет стать действительно критической наукой о фактах, а не догматическим мечтательством об абстракциях; если она действительно хочет отказаться от пошлости обывательского мировоззрения ходячего «научного» и ненаучного сознания, — ей необходимо предварительно использовать возможно более обстоятельный анализ имени и слова. То же нужно сказать и о всякой иной науке о мышлении, логике, феноменологии, диалектике. Больше того. Это нужно сказать о всякой вообще науке, ибо всякая наука есть наука о смысле, или об осмысленных фактах, что и значит, что каждая наука — в словах и о словах» [Лосев 1990: 44].

В рамках того же вещеименного направления вербальное высказывание, составленное из *многих* слов-вещей, становится коррелятом отраженного в нем факта и рассматривается как развернутая *вещь* (о чем, скажем, говорил не только А.Ф. Лосев, но и Л. Витгенштейн, который, несмотря на итоговую для себя концепцию языковой игры, сохранил понятия «языка» и «слова» в их классическом античном виде: «языковая игра» есть «язык и действие, с которым он переплетен» [Витгенштейн 1994: 82]). Приверженность слову-вещи сохраняется в теории речевых актов, в которых коммуникативный контент приписывается единицам языка (перформативные глаголы Дж. Остина [Austin 1999: 84]; тж. Дж Серль и др.). Язык, составленный из слов, становится «домом бытия» (о чем, например, развернуто рассуждал М. Хайдеггер [Хайдеггер 1993: 192] и Х.-Г. Гадамер [Гадамер 1988: 548]). Этот язык «вещеслов» (заключающий в себе все, будучи всеобъемлющим «домом») способен говорить и думать сам, навязывая себя и заменяя собой говорящего (Р. Барт [Барт 1994], П. Рикер, Ж. Деррида [Деррида 2000] и др.).

Похожим образом, в языкознании (лингвистике, языковедении), специально ориентированной на вербальный контент области исследований, «вещь», существующая по умолчанию, формирует концепцию «означаемого», значения, денотата, референта и прочих «вещей», которым соответствуют столь же несомненно существующие «означающие», «тела знаков», «символы», слова, вербальные единицы и прочие «названия (имена) вещей» (ср. понятие «значение слова»). Если есть слово, должна быть и обозначаемая им вещь, и, наоборот, если есть вещь, то она уже помыслена, и потому может быть названа словом, существует вместе со словом. Поскольку любая, даже самая малая, «часть речи» («слово языка») на *что-то* указывает (на какую-то «вещь»), она так или иначе «обладает номинативными функциями», называет нечто (иначе зачем же она существует в языке?): так, лингвистические понятия «глагол», «прилагательное», «наречие», обозначая соответственно действие, признак предмета/явления, признак действия и пр. — являются *существительными, имеющими под собой объект названия*; слова [подобно], [даже], [только], [если], [же], не говоря уже о [философский], [начинается], [наоборот], поскольку указывают на что-то, имеют под собой какие-то «вещи» (денотаты, значения, «означаемые» и пр.). На основе «вещи» возникает огромное здание языковой (словесной) семантики, оправданной как коррелят мира названных «вещей».

Как видно, присутствие «вещи» в осмыслении словосодержащего семиозиса дезавуирует первую изначальную очевидность («у вещи *нет* никакого имени»). На ее месте казуистично возникает другая очевидность, де-факто отменяющая первую: слова существуют только для того, чтобы иметь значения («называть какие-то вещи»), и не могут не называть *что-то*; в свою очередь, «несомненно существующие вещи» не могут существовать без отражения в каком-то слове, «существующая вещь та, которую можно назвать каким-то име-

нем». Иными словами, «у вещей (предметов, явлений, признаков, действий, лиц, отношений и пр.) *есть* имена».

Благодаря непреложному существованию «вещи» пресловутая связь имени и вещи сохраняется, формируя в итоге *отражательную парадигму анализа и описания словосодержащего семиозиса* как в философском, так и в лингвистическом поле: тела знаков отражают (передают, именуют, называют, означают) что-то. Теоретическая неэффективность отражательной парадигмы (она же — назывательная, вещь-словная, знак-значенческая, смысло-формальная, предметная, статическая) сказывается, в частности, в критичном для эффективности теоретической модели *преувеличении автономности знака* и знаковой системы, а также в столь же критичном (ошибочном) *ассоциировании активности сознания со знаковыми (вербальными) формами* [Вдовиченко 2021].

Между тем «вещь», которая как будто имеет бытие по умолчанию и тем самым создает фундамент концепции классического знака, *в естественном семиотическом пространстве не существует*, или, скажем в более мягкой формулировке, презумпция автономной «вещи» как «обозначаемого» (тем более как реального предмета, явления, признака и пр.) не отвечает реальности семиотического процесса.

Дело в том, что семиотический актор, в том числе использующий слова «говорящий», не обозначает (не называет, не отражает и пр.) что бы то ни было ввиду бессмысленности дублирования (называния, обозначения, отражения) уже существующего, в том числе «своих мыслей». Задача, которую он исполняет, видится им в другом — в производимой попытке изменения внешнего когнитивного состояния, в достижении мыслимого результата своего опосредованного воздействия, в трансформации иного сознания, в обновлении внешнего когнитивного статуса, в создании мыслительной новизны, в конечном счете, *в достижении того, чего еще нет* («не существует»; ср. феномен лжи, в котором рельефно проявляются все значимые черты коммуникативного воздействия, в том числе, отличия направленной вовне акциональной семиотической процедуры от внутреннего неакционального незнакового когнитивного процесса [Вдовиченко 2018]).

«Вещь», или «означаемое», в семиотическом пространстве создается обладателем сознания и существует независимо от знака (именно поэтому [рукой] можно назвать пальцы («коснуться рукой»), ладонь («дай мне руку»), ладонь с запястьем, часть руки до локтя, всю руку, то место на руке, которое болит, человека по прозвищу [рука] и пр.); о назначении актуальных множеств в семиотическом процессе, то есть о создании «вещей», см. [Вдовиченко 2020]). Поскольку знак (в том числе слово) не способен производить указание (так, нельзя определить «референты» слова [я], [идет], [белый], [надежда] и пр.), условное приписывание знаку (слову) какого-то значения возможно только в конкретной процедуре семиозиса, при производстве (констатации) самого процесса семиотического воздействия, или процесса *коммуникативной рефе-*

ренции. Наличие «означающего» обеспечивается присутствием конкретного обладателя сознания, который производит означивание, пользуясь доступными знаковыми клише (из набора известной ему типологии коммуникативных синтагм «клише в составе семиотического воздействия») и обнаруживая собственный акциональный («воздейственный») режим сознания. Вне коммуникативной референции у тела знака не обнаруживается источник значения, в нем отсутствует мыслимая кем-то (выделенная, избранная, созданная) «вещь», которую семиотический актер решил вовлечь в коммуникативную процедуру (именно поэтому, скажем, автономное слово [рука] не обладает содержательным тождеством).

Вместо знако-значенческой (имявещной) механистичной концепции семиозиса, в которой единый смысло-формальный инструмент насильственно приписывается всем «носителям» и «знатокам» языка, возникает более реалистичное психическое (когнитивно-эмоциональное) понимание семиотической процедуры, в которой «единый для всех смысло-формальный знаковый (вербальный) инструмент» не является теоретически необходимым, и где вербальными единицами далеко не исчерпывается весь динамический коммуникативный контент. Так, ввиду того, что вербальные элементы составляют лишь часть многофакторного и многоканального семиотического акта, производиться и пониматься могут не только слово-содержащие действия, но и такие, в которых вербальный субстрат вовсе отсутствует, или редуцирован (недоговоренные, «испорченные» предложения), или грамматически некорректен, или включает данные «иных языков» или иных каналов, или сказан иронически, преувеличенно, шуточно и пр.

Условная формула «понимание знака» (или знаковой последовательности) в конечном счете означает понимание семиотического актора. Оно состоит в том, чтобы по совокупности параметров восстановить акциональное когнитивное состояние коммуниканта, организующего опосредованное семиотическое воздействие: какие объекты имел в виду совершающий данное действие коммуникант, на что он указывал, какие связи между мыслимыми им объектами устанавливал, чего добивался, какие эмоции пытался вызвать, о чем помнил в данный момент, какие ценностные позиции отстаивал, и пр. и пр. (похожим образом, чтобы понять чьи-то незнакомые действия, интерпретатору также необходимо восстановить — из доступных ресурсов и параметров — все то же когнитивное состояние актора и, таким образом, достигнуть понимания). Интерпретируется сам многофакторный и многоканальный процесс семиотического воздействия, в то время как условно выделяемый знаковый состав не обладает автономным тождеством, не может свидетельствовать сам о производимой референции, не способен мыслить целевую причину («смысл») организуемого акта.

Знаки коммуникативной референции выделяются в качестве единиц условно (например, слова, звуки, морфемы, словосочетания, предложения и

пр.; так, без принятия некоторых правил невозможно определить, сколько «знаков» присутствует, скажем, в последовательности [человек бежит], хотя в естественной семиотической ситуации эта фраза может быть вполне понятной и без исчисления знаков). В отличие от классических «веще-знаков», коммуникативно-референтные знаки представляют собой *намек* на внутренние когнитивные состояния, или «следы», ведущие к искомому *акциональному* (воздейственному) *режиму сознания* семиотического актора. Смыслообразующий статус приобретает условно выделяемым «знаком» (вернее, «телом» условно выделяемого знака) только при условии, что устанавливается коммуникативная референция, производимая семиотическим актором в личном воздействии (ср. «значение данного слова»). Возникающие в данном коммуникативном акте «референты» суть представимые актором реципиенты, объекты, связи, эмоции, ценности, интенции к адресату и пр. В процедуру их производства актором и воссоздания затем адресатом вовлекаются разнообразные (в том числе разноканальные) параметры данного семиотического воздействия (ресурсы долгосрочной и краткосрочной памяти, сопутствующие обстоятельства, моменты когнитивно-эмоционального состояния адресата и, в том числе, используемые условно обособляемые «знаки»). Интерпретация любого знакового воздействия состоит в разгадывании «намек», в продвижении по знаковому «следу», ведущему к точке локализации смысла — незнаковому акциональному состоянию актора, единственному источнику смыслообразования в актах семиозиса (ср. понятие «квалиа», напр. [Dennett 1996]).

Коммуникативно-референтный *текст* (в том числе словосодержащий, «вербальный»), в отличие от смысло-формального, представляет собой *ряд вербальных «следов» семиотических воздействий*, своего рода партитуру коммуникации, по которой нужно воссоздать целостное действие («сыграть произведение»). Искомое для автора и интерпретатора семиотическое воздействие воссоздается по знаковому (вербальному) «следу», как, впрочем, и иным параметрам. Сознание актора и затем интерпретатора «обрабатывает» единомоментно *только одно семиотическое воздействие*, воспринимая некоторые предыдущие действия и общие (интерсубъективные) фреймы как мыслимую конституцию (параметры) для данного воздействия. Никакая последовательность условно выделенных «следов» коммуникативных воздействий в идеальном случае не может «означать» больше или меньше, чем мыслимый актором эффект производимого воздействия (мыслимые адресат, объекты, связи, отношения, интенции, ценности, эмоции и пр.). Предел смысла, устанавливаемый при интерпретации адресатом в различной мере, задается семиотическим актором. Добросовестная интерпретация каких-либо «знаков», в том числе вербального текста, состоит в посильном приближении к источнику смыслообразования (мыслимому акциональному состоянию сознания актора) на каждом последующем шаге производимого воздействия.

Поскольку в естественном семиозисе порождается и интерпретируется не знак, а сам *процесс семиотического воздействия*, не совпадающий с набором условно обособляемых знаков (ср. «знак» [да] в актуальной коммуникации), концепция воздействия, примененная к семиотическому акту (в том числе словосодержащему), позволяет избавиться от отражательности (нарративности, назывательности, информативности) в понимании любого семиотического процесса. Даже в случае повествовательного предложения («констатации положения дел») необходимо признать наличие планируемого актором эффекта, то есть осознанной попытки произвести изменения во внешнем когнитивном состоянии.

Акциональная трактовка словосодержащего семиозиса ведет к признанию *семантической пустоты коллективного «языка»* и его «вещесловных» элементов ввиду отсутствия в них источника смыслообразования — конкретного плана изменения внешней когниции опосредованными способами, акционального режима сознания конкретного семиотического актора, смыслообразующей коммуникативной референции. Безусловная практическая (в т.ч. лингводидактическая) ценность конструкта «язык» не означает, тем не менее, что с помощью этого понятия создается эффективная модель естественного семиотического (словосодержащего) процесса.

Так или иначе, классическая концепция «существующих вещей» и затем «отражения (называния, обозначения) этих вещей в знаковой (вербальной) форме» не «схватывает», а, скорее, перечеркивает онтологию естественного семиозиса. В новых условиях акционального («воздейственного») понимания семиотической процедуры, отношения между телом знака и «означаемым» отрываются от прежнего «вещеименного» основания. Старый «знак» закономерно утрачивает способность автономно действовать («обладать значением», указывать на «денотат», передавать смысл, отражать «вещь» и пр.), однако смысл любой знаковой процедуры состоит именно в производимом актором воздействии. Вместо статичного смысло-формального «вещеименного» комплекса (уже снабженного в лингвистической традиции обильными теоретическими оговорками о роли «контекста», «прагматики», «личного присвоения» и пр. для объяснения его содержательной невразумительности) *коммуникативная модель* предлагает условно выделяемую единицу, формальный состав и содержание которой определяются в динамике конкретного семиотического акта. Любое рассматриваемое тело «знака» получает некое «означаемое» только при наличии «означивающего» актора, обладателя активного сознания, действующего в семиотическом пространстве, то есть в условиях коммуникативной референции.

Как видно, теоретическое возведение слово-содержащего семиозиса к вербальным элементам (классическим «веще-знакам») не подтверждается на очной встрече с коммуникативной реальностью, в которой, вместо знака, все же действует обладатель сознания, семиотический актор. В поисках твердой

почвы смыслообразования интерпретатор — как актор, так и адресат — вынужденно прибегает к знаковым телам, но столь же вынужденно, для обретения содержательного тождества, устремляется обратно, к психо-когнитивному источнику любого смысла, активному незнаковому сознанию.

Литература

Аристотель. Сочинения в 4-х т / Ред. В.Ф. Асмус. — М., 1978. Т. 2. — С. 93 – 99 / Перевод Э.Л. Радлова (1891), переработанный.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М., 1994. — С. 384-391. Перевод С.Н. Зенкина.

Вдовиченко А.В. Акциональное смыслообразование: что порождается и понимается в естественном коммуникативном процессе // Вопросы психолингвистики 3 (37) 2018. — С. 112 – 125

Вдовиченко А.В. О различии когнитивного и знакового (словосодержащего) процессов. Экспериментальный аргумент // Когнитивные исследования языка. Вып. № 4 (47): Методы когнитивной лингвистики. Материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет, 29 октября 2021 года. — М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2021. — С. 181 – 192.

Вдовиченко А.В. Смыслообразование в логических парадоксах: принцип коммуникативной определенности // Часть 3. Вопросы философии 2020 № 4. — С. 143 – 160.

Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. М.С.Козловой и Ю.А. Асеева. — М.: Гнозис, 1994. Ч 1.

Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. — М.: Прогресс, 1988.

Деррида Ж. Письмо и различие. Пер. с фр. под ред. В. Лапицкого. — СПб.: Академический проект, 2000.

Лосев А. Ф. Философия имени // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. — М., Изд-во МГУ, 1990.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. А.М. Сухотина. Цит. по изд.: История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях., Ч. 1 – 2. — М., 1964 – 65. Ч. 2.

Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. — М., 1993.

Austin J.L. How to do things with words. Cambridge, 1962. Русский перевод: Остин Дж. Избранное / Перевод с англ. В.П. Руднева. — М., 1999. С. 15 – 138.

Dennett, D. C. «Facing Backwards on the Problem of Consciousness» // Journal of Consciousness Studies, 1996 vol. 3, no. 1. Pp. 4 – 6.